

**ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ
В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ?**

**IS THERE POLITICAL CORRECTNESS
IN THE ACADEMIC DISCOURSE?**

Зоя Григорьевна Прошина

**Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Москва, Россия**

Zoya Grigoryevna Proshina

**Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia**

Аннотация

В статье рассматривается взаимоотношение такого понятия, как политкорректность, и концепции контактной вариантологии английского языка, нередко называемой «либеральным» направлением современной лингвистики и методики обучения английскому языку. Автор показывает, что, несмотря на некоторую схожесть политкорректности с принципами парадигмы World Englishes и их реализацией, это отличающиеся явления, имеющие разные функции и сферу употребления.

Ключевые слова: политкорректность, контактная вариантология английского языка, гуманизация.

Abstract

The article discusses the two conceptions that seem to have some similarities: political correctness and World Englishes (WE) paradigm, which is sometimes termed a ‘liberal’ movement of today’s fundamental and applied linguistics. The structure of the article includes several parts. Firstly, language manifestation of political correctness is discussed — in relation to national and ethnic features, gender, religion, social and physiological features. Secondly, the WE paradigm as a linguistic “liberation” conception is dwelt on — its major principles (pluricentricity, standard variability, equality, functionality, dynamism and continual heterogeneity of varieties) and its novelty are emphasized. Thirdly,

some theses and concepts of the WE paradigm that are sometimes regarded in the mirror of political correctness are reflected on. The author argues that general humanitarian strain towards alleviation and strive for eliminating offense typical of political correctness are evident to a certain degree in the new linguistic and linguodidactic paradigm that is characterized by a changed terminological corpus, especially obvious in the use of technical terms and development of their meanings. The author focuses on such terms as interference — transfer; errors — deviations — distinctive features of varieties; “deficient” language — interlanguage — variety; variety — pidginized basilect; English as a Foreign Language — English as an International Language — International English — English as a Lingua Franca; correctness and appropriateness of speech; native speaker of a variety; authenticity of a text; translingualism and transculturality of authors who create authentic texts in a non-native language. Finally, the author concludes that despite the similarities (liberalism, equality, euphemization, tactfulness), the principles of the WE paradigm and their implementation differ from the political correctness phenomenon in functions and spheres of use. The phenomenon of political correctness is apt to be found in everyday speech and in mass media, while the WE paradigm belongs to a research and academic discourse. Their objectives are different, with political correctness aimed at developing tolerance and the World Englishes paradigm reflecting dramatic changes in language and education awareness due to the real life situation change. The WE paradigm is not a politically correct paradigm; it merely describes and reflects the dynamically changing real life linguistic situation generated by counteraction and integration of globalism and localism.

Key words: political correctness, World Englishes paradigm, humanization.

Введение. Казалось бы, понятие политкорректности уже имеет давнюю историю, и отметить в этом явлении что-то новое и интересное довольно трудно, поскольку оно было исследовано в самых разных аспектах — в социально-политическом [Ионин 2010 и др.], философском [Шульгин 2003 и др.], культурологическом [Остроух 1998; Гуманова 1999; Палащенко 2004 и др.] и лингвистическом [Асеева 1999; Орденкова 2003; Герасименко 2013 и др.]. Однако новые явления в лингвистической теории и практике преподавания английского языка заставляют задуматься о проникновении политкорректности в лингвистический и лингводидактический дискурсы.

Языковая политкорректность и ее направления

Как известно, явление политкорректности зародилось в 1970-е годы в США и обозначает определенную эвфемизацию, сглаживание наименований с целью создания более толерантного отношения к некоторым слоям населения и отдельных его представителей. Это было явление, которое британская журналистка Мишель Берди назвала ориентированным на людей (*‘people-friendly’*) [Berdy 2004: 31], лишенным предрассудков

(bias-free') инклюзивным языком ('inclusive' language') [Berdy: 29]. Как социолингвистический феномен политкорректность направлена в основном на следующие социальные процессы:

- **национально-этнические** (избегание некоторых наименований рас и этносов, в результате чего появились так называемые дефисные наименования: *Afro-Americans*; переименование некоторых национальных меньшинств: *Eskimos* > *Inuits*, *Gypsies* > *Roma*; слово *Oriental*, за которым тянулся след постколониальной негативной коннотации, стало заменяться словом *Asian*; начали избегать употребления некоторых фразеологизмов, содержащих этнический компонент наименования, как, например, *Dutch treat* > *separate checks*);

- **гендерные** (подчеркивание равенства полов, избегание словесного деления общества на мужчин и женщин — отсюда избегание наименований, содержащих языковой маркер гендера: *chairperson*, *mail carrier*; *manmade* > *synthetic*, *artificial*, *handmade*; при местоименной замене имен, денотаты которых относятся к мужскому и женскому роду, сначала стали использовать двойные местоимения *s / he*: *Every student must hand in his or her essay on time*, а затем появилось местоимение *they* со значением единственного числа: *A researcher has to be completely objective in their findings*, объявленное Американским диалектологическим обществом словом 2015 года¹, а в 2019 году — словом десятилетия². Крайняя степень гендерной политкорректности проявилась в изобретении новых гендерно-нейтральных местоимений³, одно из которых — *xe / ze* — подверглось лексикографической фиксации словарем Макмиллан (2015)⁴, кембриджским⁵ и оксфордским словарями английского языка⁶);

- **религиозные** (избегание названий некоторых религиозных объединений и сект: *Moonies* > *Member of the Unification Church*; *Mormon* > *Member of the Church of Jesus Christ of Latter day Saints*);

- **социальные** (например, введение нового титульного наименования женщин *Ms.* без указания на их меритальный статус; эвфемизация некоторых наименований вида деятельности, как, например, *уборщик*,

¹ URL: <https://www.americanlect.org/2015-word-of-the-year-is-singular-they>.

² URL: <https://www.americanlect.org/2019-word-of-the-year-is-my-pronouns-word-of-the-decade-is-singular-they>.

³ См.: Gender Neutral Pronoun Blog 24.01.2010 URL: <https://genderneutralpronoun.wordpress.com/category/gender-neutral-pronoun/invented-pronouns/>, а также материалы BBC от 22.09.2019 URL: <https://www.bbc.com/news/newsbeat-49754930>.

⁴ URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/xe>; URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/ze>.

⁵ URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ze>.

⁶ URL: <https://www.lexico.com/definition/ze>.

дворник — janitor, cleaning specialist, custodial technician, environmental engineer);

- **физиологические** (смягчение некоторых наименований, связанных с особенностями, анатомическими или ментальными, развития человека: *crip / handicapped > a person with a disability; retard > a person with developmental delays*). В этой области употребления эвфемистических перифраз возникла масса нелепых выражений, типа *bald > follicularly challenged*, послуживших причиной резкой критики явления политкорректности, которое к тому же имело отношение скорее не к политике, а к этике взаимоотношений между людьми.

Судя по перечисленным сферам применения, в научном дискурсе можно было обнаружить только первый и иногда второй вид политкорректности, используемый при упоминании национально-расовой принадлежности и гендерных признаков. Вместе с тем развитие антропологического подхода в лингвистике, гуманитаризация и либерализация обучения не могли не привести к некоторым изменениям языковых и лингводидактических концептов и концепций. Парадигма, известная за рубежом как *World Englishes*, а у нас в стране — как контактная вариантология английского языка, может служить ярким примером изменений, проходящих в русле политкорректности, но можно ли назвать эти переосмысления политкорректностью?

World Englishes Paradigm — парадигма либерализации

Социолингвистическая парадигма, возникшая в 80-е гг. XX в. в связи с глобальным распространением английского языка и его беспрецедентной дифференциацией, была обусловлена двумя факторами: с одной стороны, осознанием лингво-культурной¹ идентичности говорящих на локальных вариантах английского языка, с другой — с языковой либерализацией, которая последовала за утверждением национально-политических суверенитетов освободившихся от колониального господства государств [Kachru 1991]. Итогом действия этих факторов стало признание в 1970–80-х годах национальных вариантов австралийского, новозеландского, канадского и ирландского вариантов английского языка Внутреннего круга [Kachru 1985], признание постколониальных институционализированных вариантов английского языка Внешнего круга и выделение речевых вариантов (“performance varieties” [Kachru 1983]) Расширяющегося круга, осваиваемых через систему образования и используемых преимущественно в межкультурной международной коммуникации.

Исследователи, занимавшиеся изучением вариантных различий и функционирования вариантов в разных социолингвистических и культурных контекстах, объединились в 1992 г. в Международную ассоциацию иссле-

¹ Именно так: лингвистической и культурной, поэтому написанной через дефис.

дователей вариантов английского языка (International Association for World Englishes, IAWE). Свидетельством популярности новой парадигмы стало издание огромного количества книг, в том числе энциклопедических Handbook of World Englishes, крупнейшими международными издательствами Уайли-Блэкуэлл (HbWE1 2006; HbWE2 2020), Раутледж [RHbWE 2010; RHbELF 2018], Оксфорд [OHbWE 2017], Кембридж [CHbWE 2019], а также периодических научных журналов: *World Englishes* (Wiley-Blackwell), *Asian Englishes* (Routledge), *English World-Wide* (John Benjamins), *English as a Lingua Franca* (De Gruyter Mouton), *English Today* (Cambridge University Press) и др.

Чем привлекает новая парадигма? Ее новизна и революционность [Proshina 2014] заключаются в новых принципах взаимоотношения вариантов и их пользователей. Начать с того, что установлен факт, что английского языка *вообще* как такового больше нет¹ — он представлен самыми разными вариантами, функционально репрезентированными схемой трех концентрических кругов Баджа Качру [Kachru 1985].

Плюрицентричность английского языка предполагает множественную нормативную дифференциацию: эндонормы, т.е. внутренние, собственные, созданные в рамках своего собственного варианта, отличаются от варианта к варианту, особенно нормы устной речи (см. разделение норм на письменную и устную у Дэвида Кристала [Crystal 1997] и в коллективной монографии под редакцией Раймонда Хикки [Standards... 2012]). Например, отличия американского стандарта от британского проявляются в орфографии, временной системе (предпочтение Past Simple времени Present Perfect), сослагательном наклонении и др.; австралийский вариант имеет свои стандарты в произношении, в грамматике в нем отмечают выравнивание форм неправильных глаголов (*spring — sprang — sprung* вместо *spring — sprang — sprung*), использование модального глагола в отрицательной форме *mustn't* для выражения категорического отрицания (*He mustn't have arrived yet.*); в разговорной речи нормативным считается употребление уменьшительных форм (*Aussie < Australians; ambo < ambulance officer, rhodo < rhodo-dendron*). Экзонормы, или внешние нормы, имеют гораздо большую *вариативность*, чем эндонормы, поскольку их пользователи могут ориентироваться не только на британскую модель языка как прототипическую, но также включать стандарты любых других кодифицированных вариантов английского языка, используемых говорящим

¹ Именно поэтому несколько странно звучат темы диссертаций, выполненных «на материале английского языка». Сегодняшняя языковая ситуация требует обязательного указания, на материале какого варианта английского языка выполнено исследование, поскольку в разных вариантах наблюдаются черты, которые могут кардинально отличаться, и функционируют варианты также по-разному.

в зависимости от предпочтений и потребностей, ситуации языкового общения и аккомодации к участникам коммуникативного взаимодействия.

Несмотря на существование разных норм в вариантах английского языка и кажущееся подчинение экзонормативных вариантов эндонормативным, варианты признаются *равными* [Kachru, Smith 1985], как равны культуры, на которые они опираются. Любой вариант для своих пользователей является средством выражения родной культуры в межкультурном общении. С этим же связан и принцип *инклюзивности*, предполагающий существование самых разных вариантов, опирающихся на свои лингвокультуры [Davis 2010] — и, несмотря на разную степень изученности и дескрипции, варианты, чьи первичные/родные лингвокультуры отличаются, не перестают быть вариантами — жизнь показывает, что количество описанных вариантов английского языка постоянно увеличивается.

Принцип *функциональности* в данной парадигме явно преобладает над принципом прескрипции. Варианты признаются не потому, что они имеют собственные нормы, а потому, что они отличаются друг от друга по своим лингвистическим и функциональным признакам. Важным оказывается не сказать что-то правильно, а выполнить коммуникативную задачу. Поэтому в лингводидактике принцип корректности (*correctness*) уступил место принципу *приемлемости* (*appropriateness*). В связи с этим европейские лингвисты переключили фокус своего внимания на английский как лингва франка (*English as a Lingua Franca*), т.е. язык-посредник, используемый в коммуникации людей с разными родными языками, в том числе носителей разных вариантов национального языка (например, австралийцев и канадцев) [Seidlhofer 2011].

Признание важности принципа функциональности означает также признание *динамичности* изменения языка и его неоднородности в рамках даже одного варианта, который представляет собой билингвальный (поскольку варианты Внешнего и Расширяющегося круга возникают в результате языкового контакта) *лектальный континуум*, состоящий из акролекта, мезолекта и базилекта [Kachru 1983], используемых в разных ситуациях общения коммуникантами с разным уровнем образования и владения языком. *Акролект* используется в формальных ситуациях общения хорошо образованными пользователями языка, ориентирующимися на письменную норму речи. *Мезолект* характерен для образованных пользователей в ситуации неформального общения, где коммуникация идет по тенденциям, свойственным устной норме, или узусу. Иногда мезолект также может употребляться в формальных ситуациях, в тех случаях, когда говорящий по каким-то психологическим причинам отклоняется от норм письменной речи (например, из-за усталости, стресса и т. п.). *Базилект* свойствен малообразованным пользователям языка и представляет собой гибридизированное (пиджинизированное) языковое образование, кото-

пое нередко получает стигматизированное наименование типа Chinglish, Ruslish, Japlish и т.д. Вариант — это все три лекта, функционирование которых отличается по форме и сфере общения. Как верно отмечает Анна Пакир, образованный человек легко передвигается по этому континууму в зависимости от исполняемых функций: так закончивший университет сингапурец на работе использует акролект, дома в семье — мезолект, а, придя на рынок, в разговоре с неграмотным торговцем легко переходит на базилект [Pakir 1991].

Теория вариантов языка и политкорректность

Общие гуманитарные тенденции к смягчению речи и стремлению не обидеть человека, свойственные явлению политкорректности, в определенной мере сказались и на новой лингвистической и лингводидактической парадигме, что проявилось в изменении терминологического корпуса в плане узуса терминов и расширения их значения.

Тенденции политкорректности можно усмотреть в замене одних терминов другими, в исключении из узуса терминов, имеющих негативные ассоциации, причиной чему стало стремление не обидеть пользователей вариантов языка, не являющегося для них родным и несущего следы контактных явлений. Такая субституция, в частности, наблюдается в следующих случаях:

- термин *интерференция*, означающий ‘негативное воздействие родного языка на изучаемый, т. е. родного языка пользователей на продуцируемый ими английский язык’, уступил место термину *трансференция* (transfer), используемому в более общем значении — ‘перенос черт одного языка на другой’, что может восприниматься как в позитивном, так и в негативном смыслах;

- при описании любого варианта как усредненного социолингвистического явления, свойственного речевому социуму, не принято говорить о типичных *ошибках*, которые определяются в речи индивидов. Если речь идет о типичных *отклонениях* от нормы языковой модели, принятой в качестве образца, эти отклонения (*девиации*) называются *дистинктивными признаками* варианта. Они, как правило, отличают один вариант от другого, но они характеризуют речь социума, и это не значит, что каждый представитель данного социума обязательно реализует все эти дистинктивные признаки в своей речи — степень реализации зависит от желания, ситуации, уровня владения языком и контроля за своей речью. Так в научной литературе отмечалось нарочитое утрирование дистинктивных признаков своего варианта английского языка студентами стран Внешнего круга, желавшими подчеркнуть свою лингвокультурную идентичность, о чем также пишет Бадж Качру: «Признание локальных норм используется в качестве защитного механизма для уменьшения “колониальных” и “западных” коннотаций, ассоциируемых с английским языком. Такое отношение яв-

ляется способом выражения того, что можно было бы назвать ‘языковой эмансипацией’» [Kachru (1984) 2006: 452]. В других случаях утрирование дистинктивных признаков варианта может использоваться в пародийных целях, как это мы видим в ряде видеоматериалов, представляющих, например, речь русских иммигрантов (например, на канале YouTube) [см. Прошина, Ривлина 2018]. Дистинктивные признаки варианта отличаются от типичных ошибок пользователей тем, что они социальные, а не индивидуальны, системны и продуктивны. Будучи социальными явлениями, они представляют собой языковые тенденции динамического развития языка и, возможно, в какой-то момент в будущем получают свою словарную и грамматическую кодификацию, как, например, это случилось с такими явлениями британского варианта английского языка, считавшимися отклонениями, как единственное число слова *data* (*The data is collected...*) или форма множественного числа *researches*, сегодня закрепленными словарями как возможный вариант;

- избегается название варианта *дефицитным*, *ущербным* языком *deficient language*, а также *интеръязыком*. Первое не применимо по понятным причинам: язык социума является саморегулирующейся системой; дефицитность форм в нем видится некоторыми только в сопоставлении с моделью, как правило британской (всем помнится анекдотический случай, когда принц Чарльз назвал американский вариант испорченным английским¹); ни один *вариант*, в том числе и британский, не является стабильной системой, данной нам раз и навсегда; язык находится в постоянном движении, результатом чего может стать приобретение каждым вариантом характерных только для него или для группы региональных вариантов черт, которые и являются дистинктивными признаками. Вариант также нельзя считать интеръязыком, или промежуточной фоссилизированной языковой структурой между родным языком и целевым языком учащегося [Selinker 1972], поскольку он, во-первых, не является застывшим, а находится в постоянном развитии; во-вторых, сущность варианта социальна, в то время как интеръязык индивидуален и потому представляет объект исследования психолингвистики, а не социолингвистики;

- неправомерным является также отождествление *варианта* с *базилектом*, обычно получающим гибридное наименование (*Chinglish*, *Ruslish* и пр.) — базилект составляет лишь одну треть варианта, о чем речь уже шла выше;

- можно наблюдать, как постепенно происходит смена названия предмета изучения в учебных заведениях. *Иностранный язык* (English as a Foreign

¹ URL: <https://www.chicagotribune.com/news/ct-xpm-1995-04-07-9504070064-story.html>; URL: <https://www.orlandosentinel.com/news/os-xpm-1995-03-24-9503230746-story.html>.

Language) все чаще заменяется другими терминами, поскольку у слова *foreign* в межкультурной коммуникации появилась отрицательная коннотация «отчуждение». Первыми это почувствовали американцы, организовавшие программы TESOL (Teaching English to Students of Other Languages) и создавшие огромную международную преподавательскую ассоциацию с таким же названием. С появлением концепции World Englishes стали рассуждать на тему «международности» английского языка, и произошла дифференциация терминов *International English* (IE) и *English as an International Language* (EIL) [Ловцевич 2019; Прошина 2016]. Первый термин отражает центристскую тенденцию к акцентированию общих черт между всеми вариантами английского языка; второй фокусируется на выделении различий между вариантами, что обусловлено лингвокультурными причинами. Многие университеты Австралии, например, открыли у себя программы EIL, все больше лингводидактических книг публикуется именно об обучении EIL, а не EFL (например, [English as an International Language. Perspectives... 2009; English as an International Language in Asia 2012; Principles and Practices of Teaching English as an International Language 2012]). В европейских школах лингводидактический дискурс концентрируется преимущественно на проблемах преподавания *English as a Lingua Franca* (ELF) [English as a Lingua Franca for EFL Contexts 2019; Kiczkowski, Lowe 2019];

- согласно принципам контактной вариантологии, в методике внимание смещается от представления о *правильности/неправильности* речи (correct / incorrect) к оценке *приемлемости (уместности) / неприемлемости* (appropriate / inappropriate);

- произошло расширение понятия «*носитель языка*». Еще в конце прошлого века Бадж Качру [Kachru 1998] утверждал необходимость признания двух типов носителей языка: генетических, получивших язык с рождения, и функциональных, для которых этот язык не первый, но ставший активным, нередко рабочим языком, зачастую повседневного общения. По сути, функциональные носители английского языка — это *носители вариантов* [Smith 2008], владеющие ими в такой степени, что их именуют «в полной мере компетентными» пользователями (“fully competent speaker of English”) [Ur 2010], которые могут с успехом использовать этот язык в различных ситуациях общения и для решения самых разных задач. С другой стороны, признание потери британцами исключительного права владения языком вызывает обоснованную критику преклонения перед носителем языка, что способствовало появлению концепции «*нэтив-спикеризма*» (native-speakerism), обоснованную Адрианом Холлидэем [Holliday 2006] и определяемую как лингвистическая идеология, утверждающая доминирование культуры Запада;

- *аутентичными* текстами, включенными в образовательные материалы, являются не только тексты, написанные людьми, для которых английский является первым/родным языком, но также литература, получившая название *транслингвальной* или *транскультурной* литературы, которая создается функциональными носителями вариантов, для которых язык, на котором они пишут, неродной (например, произведения Кацуо Исигура, Чинуа Ачебе, Ха Цзиня, Ольги Грушиной и др.). Благодаря симбиозу языков и культур в своих работах эти писатели создают новое качество художественных произведений, отличное от своей отечественной и от зарубежной литературы [Kellman 2019].

Выводы. Гуманизация, ставшая характерной чертой нашего времени и вызванная антропологическим подходом к современной науке, проникла во все сферы жизни общества и во многие научные дискурсы. Внимание к человеку, гуманно-личностный подход к развитию человека, духовность положили начало гуманной педагогике [Амонашвили 2012]. Гуманная педагогика, в свою очередь, порождает гуманную методику, лингводидактику и лингвистику. В русле этого направления развернулась парадигма, связанная с исследованием вариативности плюрицентрического английского языка, обусловленной культурно-языковыми контактами и необходимостью выразить в ситуации межнационального общения первичную и вторичную идентичность коммуникантов. В новой парадигме доминируют принципы коммуникативности, вариативности, инклюзивности, динамичности, функциональности и дескриптивности, что нередко приводит к впечатлению о ее либеральности в отношении быстро меняющихся норм и узуса, стремлении добиться равноправия, конкретизации терминологии так, чтобы она отражала реальную ситуацию коммуникативного контекста и при этом не нанесла морального ущерба ее участникам. Последние (либеральность, равноправие, эвфемизация, тактичность) представляют достаточно основательные признаки явления политкорректности, которое более свойственно ежедневному бытовому и медийному дискурсу.

Однако в научном дискурсе лингвистики и лингводидактики говорить о политкорректности не приходится: во-первых, политкорректность и теория вариантности английского языка относятся к разным сферам человеческой деятельности и, соответственно, к разным дискурсам. Во-вторых, они имеют разные цели: политкорректность преследует цель воспитания толерантности, а парадигма *World Englishes* — отразить кардинальные изменения в языковом сознании и в обучении языку, добиваясь признания изменения реальной языковой ситуации. Поэтому несмотря на некоторую схожесть явления политкорректности и принципов контактной вариатологии английского языка, они не пересекаются. Научный лингвистический и лингводидактический дискурс не затронуты явлением политкорректности, они просто отражают изменившуюся реальность.

Литература

Амонашвили Ш. Основы гуманной педагогики. Кн. 1. Москва: Амрита, 2012. 260 с. Кн. 2. Москва: Амрита, 2012. 330 с.

Асеева Ж. В. Лексические средства выражения идеологии политической корректности в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1999. 189 с.

Герасименко Д. В. Политическая корректность как социокультурное явление и ее отражение в современном английском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013. 24 с.

Гуманова Ю. Л. «Политическая корректность» как социокультурный процесс (на примере США): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1999. 24 с.

Ионин Л. Г. Апдейт консерватизма. Москва: Изд. дом гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. 304 с.

Ловцевич Г. Н. Преподавание английского как языка международного общения: время перемен // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Т. XVI. № 1. С. 135–142.

Орденова Н. О. Феномен политической корректности и его выражение в языковой деятельности людей: На материале английского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003. 141 с.

Остроух А. В. «Политическая корректность» в США: культурологический аспект проблемы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1998. 25 с.

Палажченко М. Ю. Политическая корректность в культурной и языковой традиции: На английском и русском материале: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2004. 240 с.

Прошина З. Г. EIL или EFL? Изменение буквы или новая концепция языкового образования? // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 4. С. 83–100.

Прошина З. Г., Ривлина А. А. Mock Russian English: шутливо-пародийное использование русского варианта английского языка в странах Внутреннего круга // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 3. С. 18–30.

Шульгин Н. Н. За горизонтами политкорректности // Вопросы филологии. 2003. № 6. С. 54–68.

Berdy M. Bias-Free and Inclusive English // Мосты. 2004. № 4. С. 29–36.
CHbWE — (The) Cambridge Handbook of World Englishes. / D. Schreier, M. Hundt, E. Schneider. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 728 p.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 150 p.

Davis D. R. The inclusivity of world Englishes // *World Englishes*. 2010. Vol. 29. № 1. P. 21–26.

English as a Lingua Franca for EFL Contexts / N. C. Sifakis, N. Tsantila (eds.). Bristol: Multilingual Matters, 2019. 280 p.

English as an International Language in Asia: Implications for Language Education / A. Kirkpatrick and R. Sussex (eds.). Dordrecht: Springer, 2012. 243 p.

English as an International Language. Perspectives and Pedagogical Issues / Farzad Sharifian (ed.). Bristol: Multilingual Matters, 2009. 287 p.

HbWE1 — (The) Handbook of World Englishes / B. B. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson (eds.). Malden: Blackwell, 2006. 811 p.

HbWE2 — (The) Handbook of World Englishes. 2nd edn. / C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis (eds.). Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2020. 816 p.

Holliday A. Native Speakerism // *ELT Journal*. 2006. Vol. 60. № 4. P. 385–387.

Kachru B. B. English as an Asian Language // *Links & Letters*. 1998. № 5. P. 89–108.

Kachru B. B. Liberation linguistics and the Quirk concern // *English Today*. 1991. Vol. 7. № 1. P. 3–13.

Kachru B. B. Models for non-native Englishes // *Readings in English as an International Language* / L. E. Smith (ed.). Oxford: Pergamon Press, 1983. P. 69–86.

Kachru B. B. Regional norms for English // *Initiatives in Communicative Language Teaching* / Sandra J. Savignon and Margie S. Berns (eds.). Reading: Addison-Wesley Company, 1984. P. 55–78. Reprint: *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics* / Kingsley Bolton and Braj B. Kachru (eds.). Vol. 3. London; New York: Routledge, 2006. P. 434–455.

Kachru B. B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the Outer Circle // *English in the world: Teaching and learning the language and literatures* / R. Quirk and H. Widdowson (eds.). Cambridge: Cambridge University Press in association with the British Council. 1985. P. 11–30.

Kachru B. B. and Smith L. E. Editorial // *World Englishes*. 1985. № 4. P. 209–212.

Kellman S. G. Literary Translingualism: What and Why? // *Полилингвистичность и транскультурные практики*. 2019. Т. 16. № 3. С. 337–346.

Kiczowski M., Lowe R. J. Teaching English as a Lingua Franca: The Journey from EFL to ELF (Delta Teacher Development Series). S.l.: Ernst Klett Sprachen GmbH., 2019. 120 p.

OHbWE — (The) Oxford Handbook of World Englishes / M. Filppula, J. Klemola, D. Sharma (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2017. 814 p.

Pakir A. The range and depth of English-knowing bilinguals in Singapore // World Englishes. 1991. Vol. 10. № 2. P. 167–179.

Principles and Practices of Teaching English as an International Language / Aya Matsuda (ed.). Bristol: Multilingual Matters, 2012. 250 p.

Proshina Z. G. Language revolution behind the cultural curtain: Presidential address delivered at City University of Hong Kong, on December 7, 2012, at the 18th conference of the International Association for World Englishes // World Englishes. 2014. Vol. 33. № 1. P. 1–8.

RHbELF — (The) Routledge Handbook of English as a Lingua Franca / J. Jenkins, W. Baker, M. Dewey (eds.). London and New York: Routledge, 2018. 620 p.

RHbWE — (The) Routledge Handbook of World Englishes / A. Kirkpatrick (ed.). London and New York: Routledge, 2010. 704 p.

Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford: Oxford University Press, 2011. 244 p.

Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1972. Vol. 10. № 1–4. P. 209–232.

Smith L. E. Familiar Issues from a World Englishes Perspective // Культурно-языковые контакты / Под ред. З. Г. Прошиной. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. Вып. 10. С. 67–73.

Standards of English: Codified Varieties Around the World / Raymond Hickey (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 421 p.

Ur P. English as a Lingua Franca: A Teacher's Perspective // Cadernos de Letras (UFRJ). 2010. № 27. P. 85–92.

References

Amonashvili Sh. Osnovy gumannoj pedagogiki [Fundamentals of humane pedagogy]. Book 1. Moskva: Amrita, 2012. 260 p. Book 2. Moskva: Amrita, 2012. 330 s.

Aseeva Zh. V. Leksicheskie sredstva vyrazheniya ideologii politicheskoy korrektnosti v sovremennom angliyskom yazyke: Dis. ... kand. philol. nauk. Irkutsk, 1999. 189 s.

Gerasimenko D. V. Politicheskaya korrektnost' kak sociokul'turnoe javlenie i ejo otrazhenie v sovremennom angliyskom yazyke: avtoreferat diss. ... kand. philol. nauk. Moskva, 2013. 24 s.

Gumanova Ju. L. "Politicheskaja korrektnost'" kak sociokul'turnyj process (na primere SShA): Avtoreferat dis. ... kand. philol. nauk. Moskva, 1999. 24 s.

Ionin L. G. Apdejt konservatizma. Moskva: Izd. dom gos. un-ta — Vyshej shkoly ekonomiki, 2010. 304 s.

Lovcevic G. N. Prepodavanje anglijskogo kak jazyka mezhdu-narodnogo obshhenija: vremja peremen // *Social'nye i humanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*. 2019. Vol. XVI. № 1. S. 135–142.

Ordenova N. O. Fenomen politicheskoy korrektnosti i ego vyrazhenie v yazykovoj dejatel'nosti l'udey: Na materiale anglijskogo jazyka: Dis. ... kand. philol. nauk. Moskva, 2003. 141 s.

Ostroukh A. V. "Politicheskaja korrektnost'" v SSHA: kul'turologicheskij aspekt problemy: Avtoreferat dis. ... kand. philol. nauk. Moskva, 1998. 25 s.

Palazhchenko M. Ju. Politicheskaja korrektnost' v kul'turnoj i yazykovoj tradicii: Na anglijskom i ruskom materiale: Dis. ... kand. philol. nauk. Moskva, 2004. 240 s.

Proshina Z. G. EIL ili EFL? Izmenenie bukvy ili novaja koncepcija jazykovogo obrazovaniya? // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2016. № 4. S. 83–100.

Proshina Z. G., Rivlina A. A. Mock Russian English: shutlivo-parodijnoe ispol'zovanie russkogo varianta anglijskogo jazyka v stranakh Vnutrennego kruga // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 19: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2018. № 3. S. 18–30.

Shul'gin N. N. Za gorizontami politkorrektnosti // *Voprosy filosofii*. 2003. № 6. S. 54–68.

Berdy M. Bias-Free and Inclusive English // *Mosty*. 2004. № 4. S. 29–36.

CHbWE — (The) Cambridge Handbook of World Englishes / D. Schreier, M. Hundt, E. Schneider. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. 728 p.

Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. 150 p.

Davis D. R. The inclusivity of world Englishes // *World Englishes*. 2010. Vol. 29. № 1. P. 21–26.

English as a Lingua Franca for EFL Contexts / N. C. Sifakis, N. Tsantila (eds.). Bristol: Multilingual Matters, 2019. 280 p.

English as an International Language in Asia: Implications for Language Education / A. Kirkpatrick and R. Sussex (eds.). Dordrecht: Springer, 2012. 243 p.

English as an International Language. Perspectives and Pedagogical Issues / Farzad Sharifian (ed.). Bristol: Multilingual Matters, 2009. 287 p.

HbWE1 — (The) Handbook of World Englishes / B. B. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson (eds.). Malden: Blackwell, 2006. 811 p.

HbWE2 — (The) Handbook of World Englishes. 2nd edn. / C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis (eds.). Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 2020. 816 p.

Holliday A. Native Speakerism // *ELT Journal*. 2006. Vol. 60. No. 4. P. 385–387.

Kachru B. B. English as an Asian Language // *Links & Letters*. 1998. № 5. P. 89–108.

Kachru B. B. Liberation linguistics and the Quirk concern // *English Today*. 1991. Vol. 7. № 1. P. 3–13.

Kachru B. B. Models for non-native Englishes // *Readings in English as an International Language* / L. E. Smith (ed.). Oxford: Pergamon Press, 1983. P. 69–86.

Kachru B. B. Regional norms for English // *Initiatives in Communicative Language Teaching* / Sandra J. Savignon and Margie S. Berns (eds.). Reading: Addison-Wesley Company, 1984. P. 55–78. Reprint: *World Englishes: Critical Concepts in Linguistics* / Kingsley Bolton and Braj B. Kachru (eds.). Vol. 3. London; New York: Routledge, 2006. P. 434–455.

Kachru B. B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the Outer Circle // *English in the world: Teaching and learning the language and literatures* / R. Quirk and H. Widdowson (eds.). Cambridge: Cambridge University Press in association with the British Council. 1985. P. 11–30.

Kachru B. B. and Smith L. E. Editorial // *World Englishes*. 1985. № 4. P. 209–212.

Kellman S. G. Literary Translingualism: What and Why? // *Полилингвальность и транскультурные практики*. 2019. Т. 16. № 3. P. 337–346.

Kiczowski M., Lowe R. J. Teaching English as a Lingua Franca: The Journey from EFL to ELF (Delta Teacher Development Series). S.l.: Ernst Klett Sprachen GmbH., 2019. 120 p.

OHbWE — (The) Oxford Handbook of World Englishes / M. Filppula, J. Klemola, D. Sharma (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2017. 814 p.

Pakir A. The range and depth of English-knowing bilinguals in Singapore // *World Englishes*. 1991. Vol. 10. № 2. P. 167–179.

Principles and Practices of Teaching English as an International Language / Aya Matsuda (ed.). Bristol: Multilingual Matters, 2012. 250 p.

Proshina Z. G. Language revolution behind the cultural curtain: Presidential address delivered at City University of Hong Kong, on December 7, 2012, at the 18th conference of the International Association for World Englishes // *World Englishes*. 2014. Vol. 33. № 1. S. 1–8.

RHbELF — (The) Routledge Handbook of English as a Lingua Franca / J. Jenkins, W. Baker, M. Dewey (eds.). London and New York: Routledge, 2018. 620 p.

RHbWE — (The) Routledge Handbook of World Englishes / A. Kirkpatrick (ed.). London and New York: Routledge, 2010. 704 p.

Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford: Oxford University Press, 2011. 244 p.

Selinker L. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. 1972. Vol. 10. № 1–4. P. 209–232.

Smith L. E. Familiar Issues from a World Englishes Perspective // Kul'turno-yazykovye kontakty / Pod red. Z. G. Proshinoy. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2008. Vyp. 10. P. 67–73.

Standards of English: Codified Varieties Around the World / Raymond Hickey (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 421 p.

Ur P. English as a Lingua Franca: A Teacher's Perspective // Cadernos de Letras (UFRJ). 2010. № 27. P. 85–92.

Сведения об авторе: Зоя Григорьевна Прошина; доктор филологических наук; профессор; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; профессор кафедры теории преподавания иностранных языков факультета иностранных языков и регионоведения; ORCID 0000-0002-0570-2349; proshinazoya@yandex.ru; сфера научных интересов: социолингвистика, контактная вариантология английского языка, переводоведение.

The author's profile: Zoya Grigoryevna Proshina; Doctor of Philology; Professor; Lomonosov Moscow State University; Faculty of Foreign Languages and Area Studies; Professor at the Department of Foreign Languages Teaching Theory; ORCID 0000-0002-0570-2349; proshinazoya@yandex.ru; research interests: Sociolinguistics, World Englishes Paradigm, Translation Studies.